

О. Г. Прокопчук

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНА ΣΧΗΜΑ В АНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ РИТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Рассмотрим различные значения термина σχῆμα в античной и византийской риториках. Термин σχῆμα в античной риторике был многозначным, как и само это слово в обыденной речи и литературных памятниках¹.

1. Σχῆμα как ‘поза, жест’. Несомненно, самое обычное и широко распространенное значение термина античной риторики σχῆμα – ‘фигура’. Однако такое значение «это слово приобретает в риторике лишь гораздо позже» [10, 159]. Изначальное значение этого слова – ‘поза, жест’, т. е. положение тела, отличающееся от первоначального, спокойного, неподвижного состояния. Это значение уводит нас в область гимнастики, а «сравнение риторики с гимнастикой в литературе настолько обычно, что вероятно и этот, как и многие другие термины V века... является еще не стершейся, живой метафорой» [*ibid.*]. Рассмотрим основные значения данного термина и сферы его употребления в античной и византийской риторических традициях, а также в первом в ареале *Slavia Orthodoxa* трактате по семасиологии и теории тропов «Георьгига Хоу-ровьска о образѣхъ» в Изборнике Святослава 1073 г.

2. Σχῆμα как ‘предмет речи’. Термин σχῆμα как предмет речи во второй части античной риторической науки о расположении материала – *dispositio* – актуализировался, когда речь шла о вступлении. В зависимости от того, какая цель выдвигалась на первый план во вступлении (добиться от слушателей внимания, предварительного понимания или предварительного сочувствия), определялся и предмет речи:

- 1) ἀμφίδοξον σχῆμα = *genus dubium* = спорный предмет речи;
- 2) ἔνδοξον σχῆμα = *genus honestum* = бесспорный предмет речи;

¹ Слово «σχῆμα» в словарной статье древнегреческо-русского словаря Дворецкого имеет пятнадцать значений: 1) вид, внешность, фигура, наружность (Aesch., Eur. V–IV до н. э.); 2) осанка, статность (Her. V до н. э.); 3) воен. построение, строй (Xen. V–IV до н. э.); 4) форма (Plat., Arst. V–IV до н. э.); 5) лог. фигура силлогизма (Arst. IV до н. э.); 6) мат. фигура (Arst.); 7) грамматическая форма (Arst.); 8) (в пляске) фигура, поза, позиция, жест (Eur., Arph., Plat., Plut. V до н. э. – II н. э.); 9) схема, набросок, очерк, эскиз, план (Plat. V–IV до н. э.); 10) внешний вид, видимость (Plat., Plut. V до н. э. – II н. э.); 11) образ действий, поведение (Xen. V–IV до н. э.); 12) положение (Plat., Xen. V – IV до н. э.); 13) великолепие, пышность (Soph. V до н. э.); 14) наряд, одежда (Arph., Xen. V–IV до н. э.); 15) достоинство (Polyb., Plut. II до н. э. – II н. э.).

3) παράδοξον σχῆμα = *genus admirabile, turpe* = парадоксальный предмет речи;

4) ἄδοξον σχῆμα = *genus humile* = незначительный предмет речи;

5) δυσπαρακολούθητον σχῆμα = *genus obscurum* = темный предмет речи [1, 23–24].

3. Σχῆμα как ‘структура речи’. «У Аристотеля термин “схема” означает структуру речи» [10, 159]. В этом значении он часто употреблялся для обозначения солецизма («неправильный выбор форм для данного синтаксического построения» [5, 440])¹. О солецизме шла речь в третьем разделе античной риторики – *изложению (elocutio)*, а именно в учении об отборе слов (о «правильности» речи) и о сочетании слов (о «ясности» речи). Эта часть *elocutio* была не так заметна, как учение о фигурах, поскольку должна была действовать более тонкими приемами. К ней «больше относится популярный парадокс: “Искусство – в том, чтобы скрыть искусство” (Ars est celare artem)» [7, 459]. Учение об отборе и сочетании противопоставляло варваризмы и солецизмы. Варваризм² – неправильно взятое отдельное слово (если варваризмы были художественно мотивированы, их называли метаплазмами). Сolecизм – неправильно построенное словосочетание. Сравните: «Nunquam ergo soloecismus excusari potest, si a nobis per imprudentiam fiat, vitium est; si a poetis vel oratoribus affectate dicatur, figura locutionis et appellatur Graece σχῆμα» («Итак, солецизм никак не может быть оправдан: если он нами допускается по незнанию (неумышленно), то это погрешность; если он поэтами или ораторами говорится по желанию (специально), то это фигура речи и называется она по-гречески σχῆμα») (Mar. Victorin., gramm. fig., p. 35, 16); «Barbarismus nullo modo excusari potest, si a nobis per imprudentiam fiat, vitium est; si a poetis vel oratoribus affectate dicatur, virtus locutionis et appellatur Graece μεταπλασμός» («Варваризм никоим образом не может быть оправдан: если он нами допускается по незнанию (неумышленно), то это погрешность; если он поэтами или ораторами говорится по желанию (специально), то это достоинство речи и называется оно по-гречески μεταπλασμός») (*ibid.*, p. 37, 3 [1, 46]). У византийского филолога Георгия Хировоска в трактате «О поэтических тропах» (VI в.), который представляет собой краткий толковый словарь терми-

¹ Греч. солокисμός, лат. soloecismus. Греческое слово образовано от названия города Σόλοι ‘Солы’, древней афинской колонии в Киликии, где вследствие национальной пестроты греческий язык утратил свою чистоту [9, 274].

² Греч. βαρβαρισμός, лат. barbarismus – ‘ошибка против родного языка, варваризм’ от βάρβαρος ‘варварский, не греческий, иноземный, чужой’.

³ Здесь и далее перевод сделан автором статьи.

нов поэтики, 26-я словарная статья озаглавлена как «*Σχῆμα*» [3, 255]. Речь в ней идет именно о солецизме. Таким образом, заглавие лучше всего перевести как «Структура речи». Примечательно, что церковнославянский переводчик данного трактата (статья «*Геоργιγга Хоуоровска о образѣхъ*» в Изборнике Святослава 1073 г., 237 об. – 240 об.) переводит данный термин в начале статьи, когда идет перечисление всех категорий трактата, которые будут рассмотрены ниже, как **видъ**, а затем, в основной части, при описании солецизма – как **образъ**. Следовательно, переводчик не был знаком с аристотелевской традицией употребления термина *σχῆμα* в значении ‘структура речи’ и взял для его перевода одно из первоначальных значений этого слова, не терминологическое и не связанное никоим образом с солецизмом. Интересен сам пример, который византиец Хировоск приводит для иллюстрации солецизма: «*Ὁ κύριος Ἰωάννης, ὃν ὁ θεὸς ἐλεήσει, καλὸς ἄνθρωπος ἐστίν*» («Господин Иоанн, над которым Бог сжалится, – хороший человек») [3, 255]. В нем, с точки зрения греческого синтаксиса и грамматических норм, нет никакого нарушения. Фраза построена абсолютно правильно и поэтому не подтверждает теоретическую часть словарной статьи. Однако не следует забывать, что трактат, дошедший до нас, представляет собой студенческий конспект лекции Хировоска, записанный *ἀπὸ φωνῆς* ‘с голоса’. Возможно, этим и объясняется «неправильный» правильный пример. Церковнославянский же переводчик трактата, скорее всего, ощущая, что такой пример не отражает сущности солецизма, при его переводе опускает слово *ὁ θεὸς* ‘Бог’, а глагол, стоящий в 3-м лице единственного числа будущего времени в индикативе, переводит 2-м лицом единственного числа в императиве – именно для того, чтобы все-таки продемонстрировать солецизм: «**Гь Иванны, ко же помилюи, добръ чакъ ксть**».

4. *Σχῆμα* как ‘фигура’. В данном значении термин *σχῆμα* употребляется наиболее широко античными риториками, которые, проводя аналогии с первоначальным значением слова – ‘поза, позиция, жест, фигура’ (в пляске), т. е. любое отступление от спокойной неподвижности, – называли *σχῆματα* ‘фигурами’ «все выражения, отступавшие от той неопределенной нормы, которая считалась разговорной естественностью» [7, 446]. Противопоставлялись *ordo naturalis* ‘естественный порядок’ и *ordo artificialis* ‘искусственный порядок’. Любое отклонение от естественного порядка можно было назвать фигурой (греч. *σχῆμα* соответствует лат. *figura*). Квинтилиан в 1-й главе IX книги «Воспитания оратора» указывает на возможность трактовки фигуры как *qualiscumque forma sententiae* ‘всякая форма выражения мысли’ и уточняет, что

«*proprie schema dicitur in sensu vel sermone aliqua a vulgari et simplici specie cum ratione mutatio*» («в собственном смысле *schema* [‘фигурой’. – *О. П.*] называется сознательное отклонение в мысли или в каком-либо выражении от обыденной и простой формы») (IX, 1, 10 [2, 94]). В своих рассуждениях над тем, что есть фигура, Квинтилиан приходит к следующему выводу: «*Ergo figura sit arte aliqua novata forma dicendi*» («Таким образом, пусть фигурой считается обновленная с помощью некоего искусства форма речи») (IX, 1, 14 [2, 95]). Дефиниция весьма расплывчата. Квинтилиан также раскрывает понятие *schema / figura* ‘фигура’ через понятие *trorus* ‘троп’. Античные риторы рассматривали тропы в составе фигур, но признаки, различающие их, четко не были сформулированы. Из замечаний Квинтилиана видно, что не было единого мнения о том, какое из двух понятий является гиперонимом: «*Nam plerique has [figuras. – О. П.] tropos esse existimaverunt*» («Ведь большинство считало, что они [фигуры. – *О. П.*] есть тропы») (IX, 1, 1 [2, 93]); «... *nec desunt, qui tropis figurarum nomen imponant*» («...и хватает тех, которые дают тропам имя фигур») (IX, 1, 2 [2, 93]). Для Квинтилиана противопоставление «троп – фигура» весьма значимо. Он скрупулезно отмечает случаи, когда одно и то же явление одними авторами описывается как троп, а другими – как фигура. В начале IX книги Квинтилиан, рассуждая об общности их происхождения, указывает: «*Quo magis signanda est utriusque rei differentia*» («Тем более должно быть обозначено различие и той, и другой вещи») (IX, 1, 4 [2, 93]). После этого замечания он дает следующие определения данных категорий: «*Est igitur trorus sermo a naturali et principali significatione translatus ad aliam ornandae orationis gratia*» («Таким образом, троп – это высказывание, перенесенное с естественного и первоначального значения на другую [вещь. – *О. П.*] ради украшения речи») (IX, 1, 4 [2, 93]); «... *figura, sicut nomine ipso patet, conformatio quaedam orationis remota a communi et primum se offerente ratione*» («... фигура, как явствует из самого названия, – некое построение, отступающее от общей и представляющей себя первоначальной формы») (IX, 1, 4 [2, 93]). Из данных дефиниций сделаем вывод, что Квинтилиан подразумевал под тропом вариации значения (*significatio*), а под фигурой – вариации синтаксической структуры (*conformatio*).

В церковнославянском переводе трактата Георгия Хировоска и термин *trorus*, и термин *σχημα* переведены как **образъ**. Как полагает Н. П. Дворцова, «трактат Хировоска [его церковнославянский перевод. – *О. П.*] стоит у истоков (наряду с эстетикой Гегеля) терминологической традиции именовать образами тропы и фигуры» [8, 15]. Термин **образ** переводчик трактата употребляет для перевода слова *trorus*

‘троп’ в заглавии трактата («Γεωργίου Χιροβοσκοῦ περὶ τρῶπων» – «**Георгийга Хировоска о образѣхъ**») и в первом предложении, а также слова *σχῆμα* (‘фигура’, у Хировоска ‘структура речи’ – см. выше). С точки зрения Г. К. Вагнера, трактат назван «**О образѣхъ**» «не потому, что у переводчика не было в обиходе слова “троп” или “фигура”, а в силу произошедшего со временем семантического и гносеологического углубления таких категорий, как аллегория, метафора, олицетворение, наполнившихся образно-символическим значением» [6, 152]. Однако содержание трактата ставит под сомнение понимание тропов как образов-символов. На наш взгляд, важен тот факт, что во введении трактата употребляется не термин *образ*, а термин *творческий образ*: «Ποιητικῶν τρῶπων εἶσι κς’» («Есть 27 поэтических тропов») – «**Творьчестни образи сжть. кз**». Греческое прилагательное *ποιητικός* (образовано от глагола *ποιέω* ‘делать, творить’) имело первичное значение ‘способный сделать что-либо, творческий’; затем у него возникло значение ‘способный к поэтическому творчеству, поэтический’. Сохраняя ту же мотивацию прилагательного, что и в греческом прототипе, переводчик трактата переводит *ποιητικῶν τρῶπων* как **творьчестни образи**. Нам кажется верным утверждение Н. П. Дворцовой, что **творьчестни образи** и соответствующие *ποιητικῶν τρῶπων* Хировоска могут быть истолкованы как **способы творения (творчества)**: «Косвенным доказательством верности понимания творческих образов как способов, говоря современным языком, творческой деятельности служит тот факт, что в русских риториках XVII – XVIII вв., которым предшествует трактат, “образ” употребляется именно в значении “способ создания, способ действия”. Так, “Риторика” Космы (XVII в.) содержит учение “о образех епистолии”, в “Риторике” Лихуда (XVII в.) говорится об образах распространения периода» [8, 17].

Выводы. Термин *σχῆμα* в античной и византийской риторике имеет значение: 1) ‘предмет речи’ по отношению к *dispositio*; 2) ‘структура речи’ по отношению к учению об отборе слов в *elocutio* (*schema* в области *verba conjuncta* оценивается в смысле солецизма); 3) ‘фигура’ по отношению к учению о фигурах в *elocutio* (фигуры как вариации значения (*significatio*) противопоставлялись тропам как вариациям синтаксической структуры (*conformatio*)).

Литература

1. Lausberg, H. Elemente der literarischen Rhetorik / H. Lausberg. München, [1963] 1987.
2. Quintilianus, M. Fabius. Institutiones oratoriae libri duodecim / M. Fabius Quintilianus; ed. M. Meisfer. Lipsiae, 1887.

3. [Γεωργίου Χοιροβοσκοῦ περὶ τρόπων ποιητικῶν //] Spengel L. (Ed.). *Rhetores Graeci*. Lipsiae, 1856. Vol. III.
4. [Геоурьгига Хоуровьска о образѣхъ //] Изборник Святослава 1073 г. Факс. изд. М., 1983. Л. 237 об. – 240 об.
5. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М., 1966.
6. *Вагнер, Г. К.* Статья Георгия Хировоска «О образех» в Изборнике Святослава 1073 г. и русское искусство XI в. / Г. К. Вагнер // Изборник Святослава 1073 г. : сб. ст. М., 1977.
7. *Гаспаров, М. Л.* Античная риторика как система / М. Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М. Л. Гаспаров. СПб., 2000.
8. *Дворцова, Н. П.* Художественный образ и тропы (к истории взаимоотношений) / Н. П. Дворцова // Литературные произведения XVIII–XX веков в историческом и культурном контексте. М., 1985.
9. *Квятковский, А. П.* Поэтический словарь. М., 1966.
10. *Меликова-Толстая, С.* Античные теории художественной речи / С. Меликова-Толстая // Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996.

УДК 80(082)
ББК 80я43
Ф54

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент *А. В. Гарник*;
кандидат филологических наук, доцент *О. Г. Прокончук*;
кандидат филологических наук, доцент *А. З. Цисык*;
кандидат филологических наук, доцент *Г. И. Шевченко*;
старший преподаватель *К. А. Тананушко*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *А. А. Кожина*;
кандидат филологических наук, доцент *Т. П. Казакова*

Ф54 **Филологические** штудии = *Studia philologica* : сб. науч. ст. /
под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко ; редкол. : А. В. Гарник
[и др.]. – Вып. VII. – Минск: БГУ, 2009. – 163 с.
ISBN 978-985-518-201-7.

В седьмом выпуске сборника «Филологические штудии» представлены статьи, посвященные проблемам классической филологии, рецепции античной культуры в европейскую, греко-латинской терминологии, даются переводы латинских текстов на белорусский язык.

УДК 80(082)
ББК 80я43

ISBN 978-985-518-201-7

© БГУ, 2009

ОБ АВТОРАХ

Гарник Антонина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Гомон Дмитрий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Забродская Ольга Святославовна – преподаватель латинского языка юридического колледжа Белорусского государственного университета.

Капитула Людмила Семеновна – доцент кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Кириченко Арина Владимировна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Кузнецова Елена Леонидовна – преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Мокрицкая Татьяна Петровна – преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Мушнинна Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания Санкт-Петербургского государственного университета им. А. И. Герцена.

Нарбутас Сигитас – доктор гуманитарных наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела иностранной литературы Института литературы и фольклора Литовской Республики.

Некрасевич-Короткая Жанна Вацлавовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современных иностранных языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Приставко Егор Владимирович – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Прокопчук Ольга Генриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Сединина-Барковская Юлия Анатольевна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Стрижевич Екатерина Викторовна – преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Тананушко Кир Алексеевич – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Федосеева Татьяна Валерьевна – преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Цисык Андрей Зиновьевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Шевченко Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой классической филологии Белорусского государственного университета.

Шкурдюк Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.